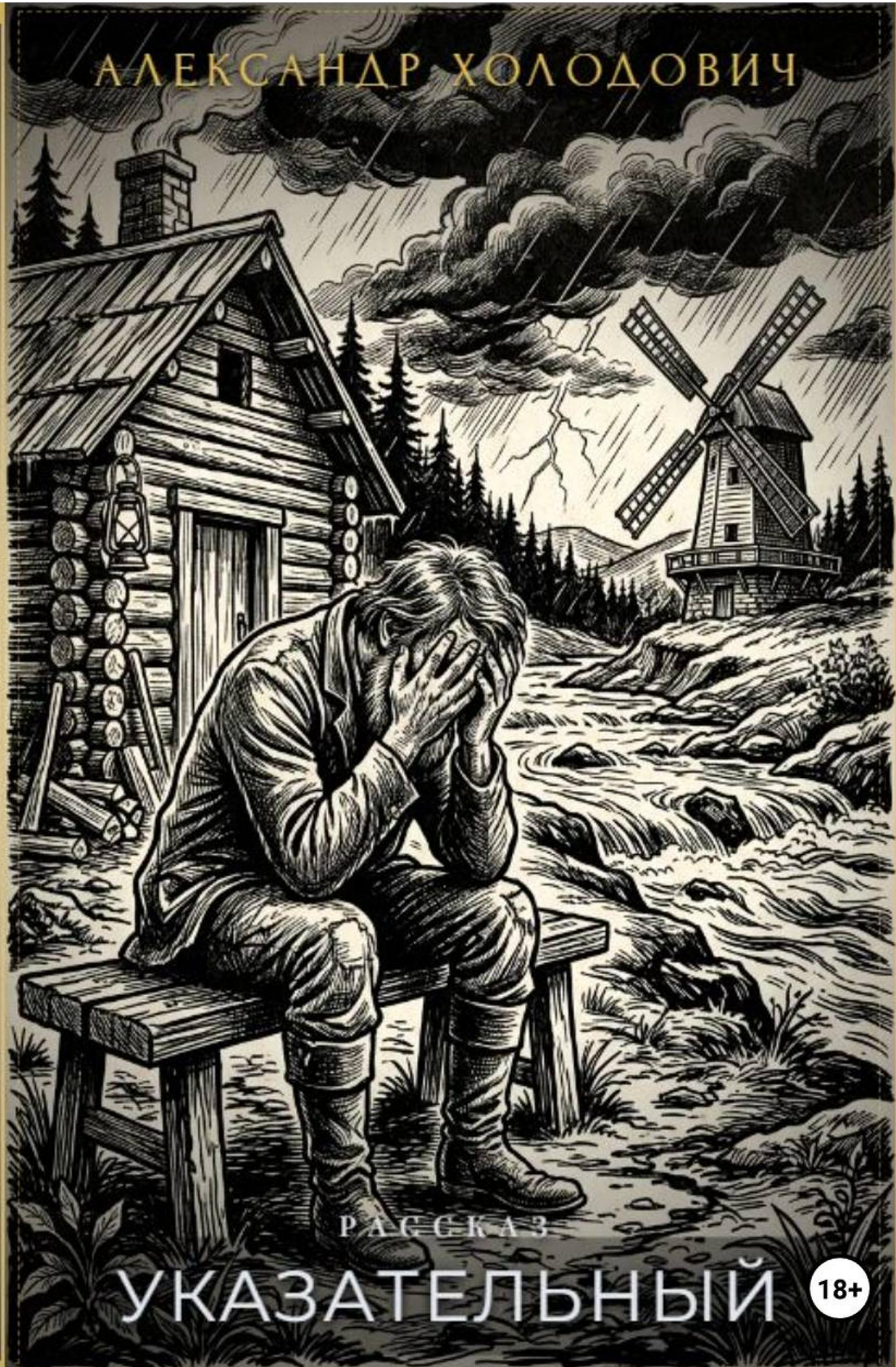

АЛЕКСАНДР ХОЛОДОВИЧ

РАССКАЗ

УКАЗАТЕЛЬНЫЙ

18+

Александр Холодович
Указательный

«Автор»

2026

Холодович А.

Указательный / А. Холодович — «Автор», 2026

Осень 1918 года, Поволжье. Чтобы не попасть под мобилизацию и не оставить семью умирать с голоду, крестьянин Степан идёт на отчаянный шаг — тайком уводит последнюю кормилицу-корову и переправляется за Волгу, где орудует подпольная артель, калечащая людей за плату.

© Холодович А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Указательный	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Указательный

Указательный

Основано на реальных событиях.

Я помню тот ветер до сих пор. Он летел с Волги — сырой, пробирающий до костного мозга, — забирался под истлевшую поддёвку и выл в трубе так, будто сама земля стонет. В избе давно не топили: хворост мокрый, дров нет, а уголь ушёл вместе с мукой ещё месяц назад, когда по деревне прошли продотрядовцы и выгребли всё, до последнего зерна. В ту осень восемнадцатого года даже мыши дохли от голода, а над рекой висел туман, густой, точно скисшее молоко, и прятал горизонт. В том тумане пряталась не только погода, но и жизнь, и смерть — они сплелись так, что не отличишь.

Старшенькая, Нюрка, сидела у печной заслонки и глядела на пустой чугунок, словно ждала, что чудо наполнит его кашей. Чуда не было. Единственная корова, Зорька, стояла в хлеву — тощая, с выпирающими рёбрами, давала в день едва треть ведра синеватого молока, но это было последнее, на чём они ещё держались. Молоко почти всё выпаивали младенцу, самым доставалась лишь сыворотка, и оттого голод не уходил никогда — лишь притихал ненадолго.

Анна качала люльку. Младенец, Сёмка, пищал безмолвно — не было у неё молока, пустая грудь, одни синие жилы. Степан отводил глаза. По дворам катился слух: мобилизация. Снова. Красные ли, белые — никто уже не разбирал, чей там комитет бедней, чей комитет учредителей. Власть менялась каждую неделю, а патроны оставались те же, и закапывали мужиков в одну землю, без крестов, лишь бы поглубже. В прошлом годе на германскую забрали Анютина брата — Ваньку. Провожали с гармошкой, обещали скорую победу. Вернулся он в виде казённой бумажки: «Пал смертью храбрых». Бумажка пошла на самокрутку. А сам Ванька так и остался где-то под Минском, в колее разбитой дороги, и никто не придёт поправить холмик.

Степан, тридцати пяти лет от роду, хозяин полутора десятин суглинка и одной коровы, понимал: теперь его черёд. Девятнадцать — сорок пять, годен, не бронирован. Годен — это приговор. Крестьянская кость крепка, руки хоть сейчас лопату держать, а винтовку и подавно. Соседского Лёшку забрали ночью — выбили дверь, выволокли в исподнем, мать бежала следом с иконой. Лёшка успел сигануть через плетень, да пуля быстрее — упал в крапиву, дёрнулся и затих. Таких историй в каждом дворе набиралось на целый синодик. Спрятаться негде — обложат, найдут, как зайца в кустах.

Спал теперь Степан вполглаза, вздрагивал от каждого стука. А по ночам, лёжа рядом с горячечной женой, мысленно видел себя в длинной серой шинели, в окопе, полном жидкой грязи, под свист пуль. И не мог понять, что страшнее: та боль, которую он воображал — разрывная в живот, штык под ребро, — или этот липкий, не отпускающий страх, что грыз его изнутри, точно крыса.

Как-то около мельницы — вернее, рядом с тем, что от мельницы осталось, одно крыло обугленное, жернова разбиты, — он встретил Фомку кривого. Фомка был мужик с дальней заимки, вечно ходил в засаленной жилетке, а теперь рука его висела на перевязи, обмотанная грязными бинтами. Сквозь бинты проступало тёмное, бурое. И запах — сладковато-гнилой, больничный, но куда страшнее. Степан брезгливо отшатнулся, но Фомка ухмыльнулся, оскалив щербатые зубы.

— Что, Степа, боишься? А вот она, — он кивнул на замотанную руку, — отпускная. Белый билет до скончания века. Теперь никакая власть не сподобит.

Степан перекрестился, хотел отойти, да ноги словно приросли.

— Как же белый билет? Ты ж здоровый, годный к мобилизации, любого забреют, а тебя как обошли? — спросил он, с сомнением глядя на перевязанную руку.

Фомка, усмехнувшись, приспустил тряпку. Степан увидел: на правой руке вместо указательного пальца — красно-фиолетовая культия, затянутая коркой. Края рваные, будто не резали, а рвали зубами.

— Татары, — сказал Фомка, усмехаясь, но голос его упал до шёпота. — За Волгой, в овраге, артель ихняя. Берут плату — и освобождают. Кому перст отчищают, кому ногу раздробят. С умом делают, выживешь — и свобода. Я, вишь, выжил. Рука, конечно, никуда не годна, лопату не держит, но зато живой. А ты, как хошь, смотри сам.

Степан вернулся домой, не чуя земли. В голове билась одна мысль — дикая, невозможная, притягательная до тошноты. Живой. Остаться живым, видеть, как растут дети, слышать, как скрипит снег под валенками, вдыхать запах прели и навоза. Но какой ценой? Цена — палец. Ладно бы палец — цена корова. Единственная кормилица. Анна, узнав, проклянёт. Да и Бог, говорят, за членовредительство судит страшнее, чем за убийство. Самострелы, калеки — им ни причастия, ни отпевания, одна дорога в геенну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.